Странные и прекрасные вещи происходят с каждым из нас ежедневно. Маленькие истории и значительные события влияют на нашу жизнь, наш характер, нашу судьбу. Ирландский философ, эстет, писатель, поэт Оскар Уайльд однажды сказал, что «…жизнь не делится на мелочи и важные вещи. В жизни все одинаково важно…». Рассказывая истории из своей жизни, мы делимся друг с другом своими воспоминаниями. Они бывают смешными и забавными, грустными и тяжелыми, но все равно остаются для нас важными. Газета «Вести» продолжает публикацию интересных историй из жизни простых людей нашей страны под общей рубрикой «Однажды…».

Однажды в квартире

В раннем детстве я была очень болезненной девочкой. Папа умер, когда мне было около двух лет. Воспитывали меня мама с бабушкой. Единственным мужчиной в нашем бабьем царстве был кот Барсик. Мама подобрала его у подъезда дома, когда в очередной раз провожала врача скорой помощи, частенько приезжавшего ко мне на вызовы. Обыкновенные простуды оборачивались ангинами, которые проходили с осложнениями. Как только у меня поднималась температура, наша семья превращалась в настоящую медицинскую бригаду скорой помощи, которая с явным мастерством без лишних разговоров отточенными движениями проводила ряд манипуляций: бабушка доставала теплую одежду, мама разводила воду с уксусом для компрессов и доставала необходимые лекарства. Рядом с моей кроватью появлялась табуретка, которую накрывали белой льняной салфеткой. На нее ставились лекарства, градусник, горячий чай с малиновым вареньем, ковшик с уксусной водой. Мама растирала меня, бабуля закутывала в теплую одежду, кот терпеливо ждал, когда спадет высокая температура. После нескольких часов успешной борьбы за мое пошатнувшееся здоровье кот укладывался мне в ноги, мама одевала меня в сухую, чистую одежду, которая всегда пахла лавандой, читала любимые книжки, бабуля варила пельмени, которые я любила есть с бульоном. На ночь мама с бабулей целовали меня в лоб и желали добрых снов.

Став постарше, я перестала так сильно и продолжительно болеть, но по утрам видела на своем лбу небольшое красное пятно, которое боялась трогать. А вдруг мне станет плохо?! Чтобы лишний раз не волновать родных своей какой-нибудь новой болезнью, я долго не решалась спросить у мамы, что со мной снова не так. Только в пятом классе я поняла, что каждое утро мама по привычке прикасалась к моему лбу, чтобы проверить, есть у меня температура или нет, и оставляла маленький след от помады. Когда я рассказала о своих страхах, мы все смеялись и еще очень долго вспоминали эту историю.

Жили мы довольно скромно. Мама работала воспитателем в детском саду. Но даже при наших скромных доходах праздники в нашей семье всегда проходили на достойном уровне. Бабушка пекла свой фирменный торт «Наполеон», мама умудрялась купить вкусненьких деликатесов. За праздничным столом родные всегда желали мне здоровья и счастья, а я возмущалась тому, что эти пожелания – как облака в небе, к которым нельзя прикоснуться или забрать с собой.

Прошло еще много лет, прежде чем я поняла их истинный смысл…

После школы я решила стать учителем истории. Престиж этой профессии был невелик, и конкурс на исторический факультет был минимальным. Всем почему-то хотелось стать менеджерами, юристами, на худой конец – бухгалтерами или экономистами. Поэтому я без труда прошла все вступительные испытания.

На третий год обучения я стала увлекаться археологией. Меня буквально захватил древний, давно исчезнувший мир. С преподавателем этой науки нам невероятно повезло. Он был настоящим энтузиастом своего дела.

Летом, после окончания третьего курса, наша группа присоединилась к археологической экспедиции для прохождения производственной практики. Никогда прежде я не была в походах. Мама с бабулей всегда старались уберечь меня от простуды и непогоды, поэтому, когда я объявила, что ухожу буквально в «тайгу», обе были почти в обмороке. Но, видя мои сияющие глаза, долго сопротивляться не стали.

Стан экспедиции находился в семистах километрах от нашего города. В своем воображении я представляла, как буду разводить огонь, готовить пищу на костре и пить студеную воду из ручья. Какого же было мое удивление, когда на достаточно большой территории размещался внушительный по размеру шатер, играющий роль столовой, кухни и места для переговоров. Столы, лавки, эклектический генератор, туалет «дачный вариант», душ с огромной бочкой для естественного нагрева воды – все это было похоже на приличную деревушку.

Нас радушно встретили хозяева стана, ввели в курс дела, раздали задания, объяснили план работы. В моей душе перемешались чувство страха от того, что мамы нет рядом и предвкушение чего-то нового, неведомого. На четвертую ночь, сидя у костра, я поняла, что влюбилась в самого симпатичного археолога, который так приветливо нас встретил. Это был высокий интересный молодой мужчина. Обладатель ярко-голубых глаз и приятного голоса. Сначала мне показалось, что ему уже за 30, но когда утром я увидела его гладко выбритое лицо, поняла, что ему не больше 25 лет.

Опыта общения с противоположным полом у меня не было, интуитивно мне хотелось просто быть с ним рядом. Я попросилась в его бригаду и старалась ловить каждое слово. Однако он совсем не замечал меня. Дни пролетали как птицы, успешные находки дарили восторг. Но за неделю до окончания этого затянувшегося похода я сильно замерзла и серьезно заболела. В срочном порядке меня доставили домой на лечение.

Мама и бабуля, конечно, обрадовались моему раннему возвращению и безумно расстроились его причине. И снова все как в детстве – компрессы, таблетки, градусник, изрядно постаревший кот. Вот только раньше я не знала, что кроме лекарств моему сердцу нужен кто-то еще…

Мама долго пытала меня, прежде чем я рассказала о своем рыцаре по имени Артур. Мы стали придумывать, как нам снова с ним встретиться, как найти предлог, чтобы еще раз увидеться снова. Несколько дней ничего умного не приходило в голову. Только бабуля неустанно говорила, что на все воля Божья. В конце недели Артур сам постучал в дверь моего дома…

Он принес мне свитер, который я оставила, собираясь второпях, а из кармана своих брюк достал украшение, напоминающее женскую серьгу. Артур сказал, что нашел ее сразу после того как я уехала. Когда я протянула руку, чтобы взять украшение, наши руки соприкоснулись. Теплая волна пробежала по моей спине, и сердце застучало быстрыми неровными ударами. Сережка стала уже не интересна. Наши губы встретились в жадном поцелуе.

В скором времени мы поженились. Археологический институт, где работал мой муж, выделил нам служебное жилье, куда мы и переехали сразу после свадьбы. Мы купались в долгожданном счастье, я думала, так будет всегда, но с фанатом своего дела построить настоящую семейную жизнь оказалось очень сложно.

Артур с мая по октябрь был в экспедициях, с октября по май писал научные отчеты о своих находках. Постоянно находился на слетах археологов, научных конференциях, начал писать диссертацию. Окончив институт, я предложила работать вместе, но Артур был категорически против из-за моего здоровья.

Однажды летом я приехала к нему на стан, но через неделю сильно заболела. После чего Артур категорически запретил мне приезжать к нему. В наших редких встречах была страсть, любовь забота, но все чаще я стала оставаться совсем одна. Мы стали отдаляться друг от друга. Мои просьбы поменять работу или хотя бы ее режим заканчивались скандалами, которые не прибавляли нашей семейной жизни радости. Даже моя беременность не изменила Артура в его неистовой любви к профессии.

Для мужчины очень важно заниматься любимым делом, но мне казалось, есть вещи главнее работы, например, жена, дети, т. е. семья. Вскоре у нас родился сын.

Из роддома меня забирали мама и бабуля…

Измученная тяжелыми последствиями кесарева сечения, с крошечным сыночком на руках я решила переехать жить к маме, которая, увидев мое осунувшееся лицо, не на шутку перепугалась. Через три месяца вернулся мой муж. Он был явно недоволен тем, что наш дом пустовал столько времени. Его первая встреча с сыном расстроила меня окончательно. Оказывается, Артур был против имени, которое я дала сыну. Мужу не понравилось, что роды были, по его мнению, «не настоящими» и негативно повлияли на здоровье ребенка. Из-за крошечного размера малыша Артур отказался брать его на руки, он боялся уронить дитя. Вместо помощника я дождалась человека, который был разочарован всем, что увидел. Ко всему прочему через месяц после приезда Артура сын сильно заболел и плакал день и ночь напролет. Отец был явно не готов к такому повороту событий и очень злился. После третьей ночи без сна Артур заявил, что не собирается жить в таких условиях. Мне было объявлено, что надо ехать в командировку для работы с местным архивом…

Мои швы никак не заживали, сердце давало сбой, я стала забывать, когда ела, черные круги перед глазами, сильные головокружения, неокрепший сынок – все накатило разом, я упала на грудь мужа, зарыдала в голос и попросила перенести командировку

или вовсе отменить ее. Артур ответил, что билеты уже на руках, и он не собирался менять свои планы. По его словам, долг каждой женщины – находясь в декрете, поднять на ноги ребенка, а мужчины – зарабатывать деньги.

Слезы текли ручьем, я объясняла, что бабуля уже старенькая, мама работает, состояние нашего с сыном здоровья нестабильное, и мне очень важна его помощь сейчас. Артур посмотрел на меня, не сдерживая раздражения, и сказал, чтобы я прекратила истерику. Услышав наш разговор на повышенных тонах, сынок снова заплакал. Артур не стал утруждать себя лишними обсуждениями и в приказном тоне сказал заниматься ребенком. Когда я наклонилась к малышу, чтобы взять его на руки, почувствовала резкую боль в виске. Не обратив внимания на привычное недомогание, я прижала к себе ребенка, стала качать, отошла от кроватки несколько шагов и… погрузилась в темноту…

Открыв глаза, я не сразу поняла, где нахожусь. Сфокусировав внимание и увидев капельницы, которые торчали из моей руки, я поняла, что нахожусь в больничной палате. Я попыталась позвать на помощь, но горло и губы пересохли. Вскоре на мой хрип пришла медсестра. Она объяснила, что у меня случился обморок на фоне почечной недостаточности. Потом долго рассказывала, что организм мой был сильно истощен и ослаблен, так что трагедии было не избежать.

Я слышала ее слова, но никак не могла понять, о какой трагедии она говорит. Через некоторое время пришел мой лечащий врач и попросил медсестру выйти из палаты. Доктор присел на край кровати и начал разговор о том, какая я молодая, красивая и у меня впереди целая жизнь. Как его лечение преобразит мои щечки, поправит дела с почками и сердцем. После глубокого вздоха он сообщил, что, потеряв сознание, я выронила сына из рук. Падая, малыш ударился головой о край стола и мгновенно умер…

Я не поверила своим ушам. Стала требовать, чтобы врач перестал так зло шутить, и забилась в истерике. Доктор вызвал медсестру, которая ввела мне что-то успокоительное, после чего я почти сразу уснула. Пробуждение мое было тяжелым, будто я вылезла из-под бетонной плиты. За окном было темно. Первые несколько секунд мне казалось, что больница и все, что я слышала – просто дурной сон.

Через некоторое время я опомнилась, сердце мое сжалось от боли, слезы потекли

ручьем. Я вспомнила, сколько хлопот доставляла маме, не смогла сохранить семью, стать любимому мужчине необходимой как воздух, сберечь ребенка.

Наверное, мне не стоило появляться на свет, поскольку всем, кто находился рядом, я приносила только боль и разочарование…

Утром в реанимацию пустили маму. Мы без слов обнялись и горько заплакали. Немного успокоившись, мама сказала, что бабушка сильно сдала после случившегося и не смогла прийти ко мне в больницу. Но просила передать, что очень любит меня. Она рассказала, что подготовилась к похоронам моего сына, но панихиду придется провести без меня, поскольку врач запретил мне вставать.

Мама рассказала, как внезапно ушел из жизни папа, оставив ее одну, я не должна была сделать то же самое. Поэтому она умоляла, чтобы я собрала всю свою волю в кулак и выжила, несмотря ни на что, и снова, как в детстве, поцеловала меня в лоб. Перед уходом я попросила маму забрать мои вещи из той квартиры, в которой уже ничего меня не держало. Она без слов кивнула головой и вышла.

Наверное, врач понял, что интенсивная терапия и таблетки мне не помогут, только тепло и ласка самого близкого мне человека – мамы – способны пробудить мою волю к жизни. Вопреки правилам он разрешил маме навещать меня каждый день.

Через 10 дней меня перевели в обычную палату. Муж пришел навестить меня с цветами. Он виновато смотрел по сторонам и не знал, с чего начать разговор.

Страшнее всего было то, что я чувствовала – он не страдает от потери сына. Помолчав еще немного, Артур сказал: «Мама забрала все твои вещи. Ты что, хочешь развестись со мной?»

Потом он сообщил, что полиция допрашивает его каждый день, пытаясь выяснить все обстоятельства гибели малыша, поэтому мне обязательно нужно поправиться, чтобы убедить следователей в том, что он меня не бил, и я упала сама. Мне было противно

смотреть на этого, когда-то любимого мужчину. Его небритое, помятое лицо с маленьким неприятными глазами серого оттенка, запах немытого тела, алкоголя и грязной одежды меня раздражали. Говорят, если к человеку испытываешь неприязнь, то в первую очередь это касается его запаха. В тот день я потеряла еще и мужа…

Прошло пять лет с того самого дня, когда моя жизнь разделилась на до и после. Бабушка так и не поправилась и вскоре после смерти моего сыночка умерла, следом ушел и Барсик.

А мы с мамой решили ЖИТЬ. Я нашла работу в центре внешкольного образования, мама перешла на работу в частный детский сад. В нашей квартире мы жили вдвоем, но за ее пределами нас окружали дети, придавая смысл нашим жизням. С тех пор я не видела Артура, друзья говорили, он снова женился и уехал жить в другой город. Рана в сердце стала затягиваться, боль притупляться и однажды за нашим скромным столом я снова попросила маму пожелать мне здоровья, счастья и, главное, поверить в ее пожелания.

Однажды мне предложили посотрудничать с детским домом. Через несколько дней я отправилась на встречу с новыми детками, чтобы рассказать, чему в нашем центре можно научиться. Детишки были разных возрастов. Меня встретили на ура. Но перед уходом ко мне вдруг подошел мальчишка лет пяти и спросил, когда наконец-то я заберу его домой. Меня предупреждали о подобных вещах, но что-то в его взгляде и голосе был родное. Оттолкнуть его я не решилась и пообещала прийти завтра. Целую ночь я не спала, разбудила маму, попросила снова рассказать про панихиду, может, в больнице ошиблись, может, перепутали, может на самом деле в детском доме мой живой сын. Мама снова обняла меня, сказала, что приближается день смерти моего сына, и этот невроз пройдет. Поцеловала меня в лоб и отправила спать. Утром я была уже у руководителя детского дома. Оказалось, мальчика зовут так же, как моего сына – Сережа, и он родился именно в тот день и год, когда умер мой малыш. В переселение душ я не верила, но и на простое совпадение это не было похоже. Решение было принято: мой Сережа вернулся домой и стал чудесным сыном.

Рядом с нашим подъездом мама вскоре нашла чумазого котенка, которого мы назвали... Барсиком.

Жизнь, двигаясь по спирали, сделала свой очередной виток, и снова в нашем доме появились кот, мама, бабуля и ребенок, которого любят все, и наши маленькие

семейные праздники. Лишь иногда у меня подкатывал комок к горлу, когда в зеркале я видела свой шрам от кесарева сечения.

Когда пришли очередные новогодние праздники, я случайно встретила того самого врача, который помог мне выжить и стать здоровой. Мы разговорились, потом посидели в кафе, обменялись телефонами и… разошлись.

Он позвонил мне первым.

Кто знает, может, эта встреча была неслучайной…

Ариша ЗИМА